

УДК 902/904

НОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ТАШТЫКЦЕВ НА СКАЛАХ ТЕПСЕЯ*

Ольга С. Советова^а, ID¹; Ольга О. Шишкина^а, ID²

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@olgasetova@yandex.ru

ID¹ <http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018>

ID² <http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018>

Поступила в редакцию 21.11.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова:

таштыкская культура, Тепсей, петроглифы, Минусинская котловина, костюм, реконструкция

Аннотация: В последние годы на Тепсее открыто немало новых наскальных изображений этой эпохи, наиболее информативными среди которых являются гравированные рисунки. В статье представлены новые материалы, среди которых есть и уникальные, расширяющие представления о таштыкской культуре в целом. Наибольший интерес представляют изображения антропоморфных персонажей – таштыкских воинов (охотников?), найденные в разных пунктах горы Тепсей. Петроглифы позволяют реконструировать внешний облик обитателей Минусинских степей, так как в рисунках запечатлены головные уборы, причёски, детали одежды. Эти изображения находят прямые аналогии среди фигур воинов на деревянных плакетках, обнаруженных в одном из тепсейских таштыкских склепов, что позволяет определить этническую принадлежность некоторых изображенных. Тепсейские изобразительные материалы, включающие и наскальные изображения, дополняют представления о внешнем облике таштыкцев: впервые можно с очевидностью отметить у них использование такого вида одежды, как укороченные штаны, а также некоторые новые варианты головных уборов, что свидетельствует, скорее всего, об определенной преемственности с предшествующим тесинским населением, и, возможно, позволяет говорить о влиянии хунну.

Для цитирования: Советова О. С., Шишкина О. О. Новые изображения таштыкцев на скалах Тепсея // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-72-78>

Введение

Таштыкская культура на Енисее известна не только своими многочисленными грандиозными склепами, в которых были обнаружены мумии, маски, одежда, деревянная посуда и др., но и памятниками искусства. Находка 1968 г. в склепе под горой Тепсей уникальных деревянных плакеток с резными рисунками открыла ученым совершенно новые сведения о таштыкской эпохе. Резные изображения, выявленные на этих плакетках, дополненные позднее аналогичными ташебинскими материалами, прочно вошли в научную литературу и позволили сделать блестящие реконструкции внешнего облика воинов таштыкской культуры [1; 2]. Д. Г. Савинов впервые предложил версию атрибуции различных, наиболее характерных тепсейских персонажей. В воинах со специфическими причёсками с булавкой в волосах он увидел «таштыкцев как таковых», поскольку костяные булавки встречаются в таштыкских грунтовых могильниках. Воины в лодке с простыми луками и в кони-

ческих (берестяных?) головных уборах предположительно были названы им «населением лесов, окружающим минусинские степи». «Рыцари» в доспехах могли представлять тюрков во время их первого появления на Среднем Енисее [2, с. 187, 188]. Эта атрибуция была дана во многом интуитивно, однако позже она подкреплена наблюдениями С. В. Панковой.

Исследователь также выделила три группы тепсейских персонажей. Для воинов первой группы (таштыкцев), по ее мнению, характерны луки «скифского» типа и прямоугольные колчаны (гориты) со стрелами наконечниками вниз, причёски в виде длинного хвоста на затылке или хвоста в сочетании с характерным «узлом» на темени. Воины второй группы (тюрки) изображены в доспехах с луками «хуннского типа» и саадчаными наборами из длинной изогнутой налучи для спущенного лука и колчана с закругленным низом и треугольным / фигурным верхним краем, с причёсками в виде длинных распущенных волос. Для воинов третьей

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ.

группы, которые с каким-либо населением соотносены не были, характерны сегментовидные луки и прямоугольные колчаны, вероятно, более узкие и короткие, чем в саадаках первой группы, на них надеты уплощённые конические шапочки и кафтаны особого покроя (возможно, глухие) [1, с. 120–122].

К настоящему времени помимо антропоморфных персонажей, запечатленных на плакетках, известно еще одно миниатюрное изображение на ящике-гробике с захоронением ребенка из 2 склепа в пункте Тепсей III. Сам объект уникален уже тем, что захоронение ребенка в склепе нетипично для таштыкской культуры. Для детей, как правило, создавались отдельные кладбища. Такое место было и на Тепсее, и располагалось оно недалеко от больших склепов [3, с. 123]. Очевидно, что в данном случае речь должна вестись о каком-то особом ребенке, которому была оказана честь быть захороненным в склепе рядом со взрослыми. На боковой стене этого гробика глубокими линиями была вырезана человеческая фигура. М. П. Грязнов лишь упомянул о данной находке и атрибутировал изображение как воина [3, с. 145]. Спустя десятилетия рисунок опубликовала Э. Б. Вадецкая, обратившая внимание на некоторые детали одежды этого персонажа: одет он был в длинную свободную рубаху-платье со вшитыми в бока клиньями, и шаровары, на его груди на длинных ремешках подвешен мешочек, орнаментированный 6 поперечными полосами, на голове изображены либо шапка с козырьком спереди, либо подстриженные волосы с чёлкой на лбу [4, с. 16]. Как мы видим, внешний вид этого персонажа резко отличается от изображений воинов на плакетках. Э. Б. Вадецкая высказала идею, что здесь изображен служитель культа, а может быть и захороненный ребенок в ритуальной одежде [4, с. 17]. Схожая по крою одежда (свободная, не подпоясанная) и прическа изредка, но все же встречаются среди наскальных изображений таштыкского времени у некоторых персонажей (воинов?) [5, рис. 123, 135; 6, рис. 13]. Мешочек же на груди изображенного может быть интерпретирован немного иначе – как амулет в форме перевернутого котелка с орнаментированным поперечными полосами туловом. Такие украшения были распространены у таштыкцев, о чем свидетельствуют находки подобных котелков в грунтовых могилах [7]. Таким образом, материалы плакеток, а позднее и ящика-гробика стали основой для реконструкции внешнего облика таштыкцев и их противников.

Тепсейские персонажи

Наши изыскания последних лет, проводившиеся на Тепсее, и работы других исследователей позволили в некоторой степени дополнить «портрет» населения, оставившего свои изображения на другом типе памятников – в наскальном искусстве [8; 9]. К сожалению, на скалах Тепсея к настоящему времени выявлено совсем немного антропоморфных персонажей, которые уверенно могли бы быть соотносены с таштыкской культурой, тем не менее даже эти находки оказываются бесценными. Можно выделить две группы рисунков по технике их выполнения – выбитые и гравированные. Обнаруженные нами выбитые изображения таштыкцев единичны и маловыразительны, хотя на соседних памятниках – на Оглахты и Суханихе – в технике выбивки выполнены прекрасные фигуры воинов, запечатленные в характерной манере во время стрельбы из лука и в других ситуациях, с тонкими талиями и в соответствующих одеяниях [10, табл. XI–1-3, XII–1-2; 11, табл. 6]. Тепсейские фигуры по сравнению с ними схематичны и сходны лишь позой, причем нередко луки в их руках гравированные. Малочисленна пока и серия полностью выгравированных антропоморфных изображений. К настоящему времени известно лишь три плоскости с такими рисунками. Одна из сцен была обнаружена С. В. Панковой в Волчьем лого (Тепсей II). Она включает изображения животных и двух человеческих фигур [12, рис. 2]. Фигуры людей сохранились плохо – прослежены лишь их корпуса и ноги – возможно, поэтому они не были проанализированы исследовательницей. Несколько сцен с антропоморфными персонажами, выполненными гравировкой, были зафиксированы на южной вершине горы Тепсей, обращенной к Тубе, Н. В. Леонтьевым [12, с. 52], а позднее они были скопированы и опубликованы И. Л. Кызласовым [13] (рис. 1). Еще одна сцена задокументирована нами в 2017 г. в пункте Усть-Туба IV (по индексации Я. А. Шера) (рис. 2). (По сведениям Н. В. Боковенко, эта плоскость была известна ему и ранее, но не опубликована¹). Она интересна тем, что, очевидно, еще в скифскую эпоху на довольно ровном скальном выходе были выбиты реалистичные фигурки кабанов, а позднее, в таштыкское время, в сцену были включены четыре антропоморфные фигуры, выполненные в таштыкской манере. Один из персонажей целится из лука в кабана, другие не связаны с животными, и как часто бывает в таштыкских композициях, расположены хаотично, ориентированы в разные стороны, к тому же в данном случае выполнены в разных пропорциях. Всего на Тепсее

¹ Боковенко Н. А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году // Архив Института археологии Российской академии наук. Р. 1. 101–103. 153 ед. хр. 1984 г.

к настоящему времени гравированных антропоморфных персонажей нами выявлено около десятка.

Все изображения людей при наличии общих признаков имеют и индивидуальные черты. В целом приемы передачи антропоморфных фигур в наскальном искусстве Тепсея находят прямые соответствия с рисунками на тепсейских плакетках. Постановка ног передает динамичность движения, нередко носок ноги вытянут; талии узкие; у лучников характерно согнутая и приподнятая рука. Прием штриховки фигур использован как на плакетках, так

и на скалах. У многих персонажей прослеживаются некоторые знаковые детали, маркирующие изображения таштыкского времени: например, заостренным уголком намечены полы приталенных кафтанов (рис. 1, 2), различается лишь их длина, которая могла быть как до середины бедра, так и до колен. Такой прием передачи кафтана таштыкцев зафиксирован не только на Тепсее, но и на многих памятниках Минусинской котловины [6, рис. 13, 28; 11, табл. 6; 14, рис. 1; 15, рис. 4; 16, рис. 8] и, очевидно, может считаться датирующим.

Рис. 1. Плоскость с антропоморфными персонажами. Юго-восточная оконечность южной вершины горы Тепсей [13, рис. VII]
Fig. 1. Anthropomorphic images. South-eastern tip of the southern peak of Tepsey [13, fig. VII]

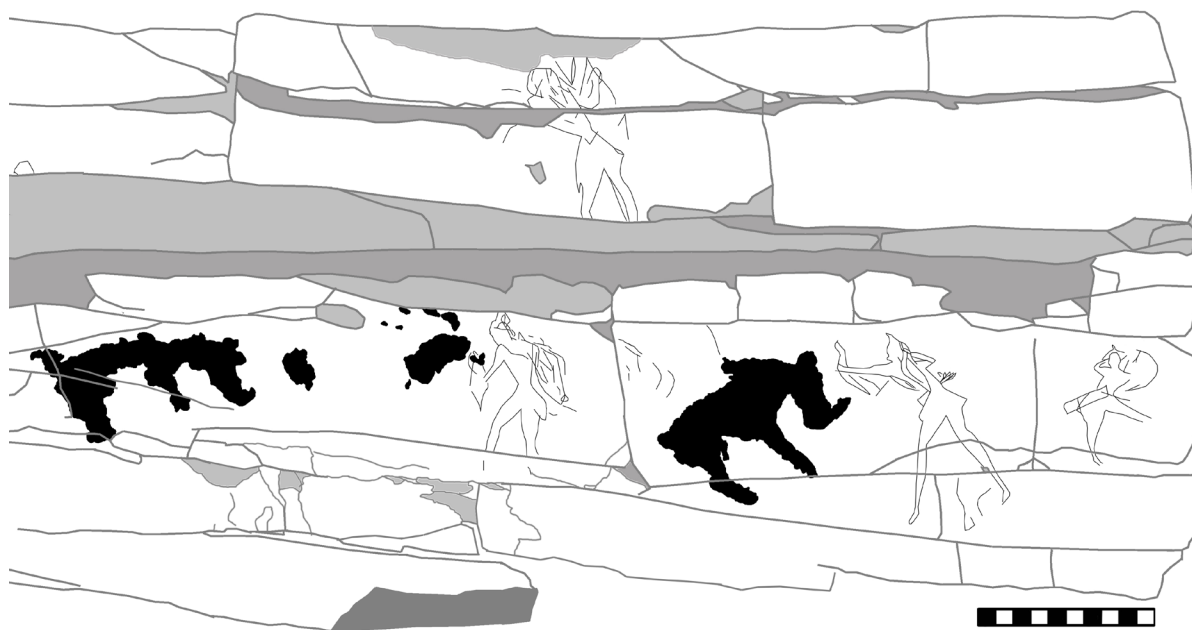

Рис. 2. Плоскость с таштыкскими лучниками, найденная в 2017 г. Усть-Туба IV (прорисовка авторов)
Fig. 2. Tashtyk archers, found in 2017 on Ust'-Tuba IV (tracing made by the authors)

Можно выявить и другие детали одежды у тепсейских наскальных персонажей. Как правило, таштыкские воины изображаются в облагающих штанах (рис. 2) и в мягких сапогах. Возможно, так изображены воины в летней одежде. Другой вариант представляют персонажи в шароварах. Например, на вершине горы Тепсей имеется сцена с фигурами в штанах разного типа. На одном из мужчин показаны, вероятно, мягкие сапоги и шаровары, у другого укороченные штаны, украшенные штриховкой (рис. 1). О том, что это действительно штаны, а не расходящиеся полы кафтана, свидетельствует тот факт, что правая штанина короче левой, отчего видна часть ноги, а также то, что многие из аналогичных фигур показаны не в движении, когда полы одежды могут расходиться. В подтверждение этому предположению отметим, что такой вариант штанов зафиксирован и на других памятниках Минусинской котловины, нередко и со штриховкой [14, рис. 2.3, 4.2], в сценах на Четвертом Сундуке [17, рис. 4], Чалпане, на одном из курганных камней из Салбыкской степи [17, рис. 1, 2; 4] и т. д. На скалах Тепсея нам неоднократно встречались сильно заветренные плоскости с едва уловимыми гравированными линиями, среди которых есть фрагменты антропоморфных фигур, выполненных в таштыкском каноне, и у одной из них лучше всего сохранились такие же короткие штаны, что подтверждает неслучайность нашего наблюдения. (Заметим, что на упомянутой выше плоскости с таштыкскими воинами на скалах Оглахты у одного из персонажей фиксируются укороченные штаны). В одном из таштыкских погребений могильника Оглахты сохранились зимние мужские штаны. Они были сделаны из овчины, заходили за колено, были напускными, завязывались ремнями у пояса и в двух местах у ног – под пах и под колено. На этом же мужчине были надеты высокие до колен меховые сапоги [18, с. 54].

Известны случаи нахождения в алтайских пызырыкских погребениях скифского времени как узких длинных штанов, так и укороченных штанов и мягких сапог. Укороченные штаны были найдены в погребениях рядовых мужчин-воинов в могильнике Верх-Кальджин (курганы 1 и 3) [19, рис. 88]. По мнению автора раскопок этих курганов Н. В. Полосьмак, в том, что в костюме пызырыкцев одновременно встречаются длинные и укороченные штаны, нет ничего странного, и этот факт лишь указывает на разнообразие одежды для удобства. Вероятно, укороченность штанов воинов диктовалась простой целесообразностью: на ноги были надеты высокие чулки [19, с. 124]. Можем предположить, что в таких коротких штанах легче было сгибать ногу, сидя на коне. У хунну же, благодаря находкам в Ноин-Уле, известны штаны другого кроя: это более широкие и свободные шарова-

ры, а также штаны китайского покроя, состоящие из двух отдельных штанин с пришитой к ним войлочной обувью [20, с. 40]. Таким образом, можно констатировать, что традиция ношения длинных и коротких штанов и мягкой обуви наподобие пызырыкских дошла и до таштыкцев.

Сведения о разного рода головных уборах и прическах таштыкских персонажей можно извлечь из анализа изображений усть-тубинской плоскости (рис. 2). У одного воина изображен своеобразный конический головной убор (шлем?) с широкими краями и заостренный на макушке. На плакетках у третьей группы воинов (по С. В. Панковой) показаны характерные конические головные убора, но немного другого вида. Напрашивается аналогия с изображениями всадников с соседней Лянищенской писаницы в своеобразных головных уборах, по типу близких тепсейскому. Датировка их дискуссионна (от раннетагарского до раннетюркского времени) (подробнее см. [21]). На голове другого персонажа изображен островерхий конический шлем или колпак (?), купол которого покрывает голову лучника, не закрывая глаз. Ото лба и затылка проведены линии, соединяющиеся на корпусе. Подобные шлемы изображены и на второй тепсейской плакетке [3, рис. 59], и среди других петроглифов таштыкской культуры [17, рис. 2. 2,4; 4.2; 16, прорис. 3]. Подобные островерхие колпаки встречаются среди изображений более раннего времени этого региона, относящихся к тагарской культуре [22, табл. 28]. Головной убор отчасти напоминает колпаки скифов и саков. В частности, такие колпаки, выполненные из войлока, встречаются в материалах пызырыкской культуры [19, рис. 105, 106]. Известно, что в подобных колпаках изображены и хуннские воины на древнекитайских рисунках и бронзовой бляхе из Ордоса [23, с. 51], сохранился островерхий колпак в Ноин-Улинском погребении [20, табл. 16] и т. д. Несмотря на достаточно широкие аналогии, к сожалению, точно определить этническую принадлежность этой фигуры пока затруднительно. Подобные убора могли быть распространены как у таштыкцев, так и у другого населения.

Третий персонаж как будто повернут к зрителю спиной, поэтому можно предположить, что здесь переданы некоторые детали его прически. На голове воина видны волосы, как бы собранные в узел на темени и прикрытые наконечником (?). Подобные прически изображены и на плакетках [3, рис. 59] и надежно соотносятся с таштыкцами [5, с. 120; 11, табл. 6, 12].

Заключение

Таким образом, тепсейские изобразительные материалы, теперь уже включающие наскальные изображения, дополняют представления о внешнем облике таштыкцев: впервые можно с очевидностью отметить у них использование такого вида одежды,

как укороченные штаны, и некоторые новые варианты головных уборов, что свидетельствует, скорее всего, об определенной преемственности с предшествующим тесинским населением, а также, возможно, позволяет говорить и о влиянии хунну. В наскальном искусстве отразились сложные процессы культурогенеза и многокомпонентности населения, обитавшего в таштыкскую эпоху на берегах Енисея. Наскальные изображения, открытые в Тепсейском археологическом микрорайоне в последние годы, позволяют дополнять уже известные картины окру-

жавшей таштыкцев действительности. Например, на скалах и камнях тагарских курганов под горой Тепсей выявлены выбитые и гравированные сцены, в которых представлены хищники, преследующие копытных, птицы, олени, лоси, а также бегущие тучные быки – один из излюбленных сюжетов, продиктованных жизнью: на своих угодьях охотятся таштыкские охотники, за свои стада и свои пастбища бьются воины (реальные или эпические), выгравированные на плакетках и запечатленные на скалах могучего Тепсея.

Литература

1. Панкова С. В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды САИПИ. Вып. VII. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 117–141.
2. Савинов Д. Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 185–190.
3. Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–146.
4. Вадецкая Э. Б. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: ТД Всеросс. науч. конф. Омск: ОмГУ, 2000. С. 15–17.
5. Панкова С. В. Таштыкские гравировки (сюжетно-стилистический анализ и историко-культурная интерпретация): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 288 с.
6. Панкова С. В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 125–159.
7. Тетерин Ю. В., Митько О. А., Журавлева Е. А. Бронзовые миниатюрные подвески-сосуды Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. № 7. С. 80–94.
8. Советова О. С., Аболонкова И. В. Гравированные рисунки Тепсея // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 128–134.
9. Shishkina O. O. Graphic Materials of Tashtyk Culture in Tepsey Archaeological Complex // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 670–676.
10. Пяткин Б. Н., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы Оглахты-V // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 86–112.
11. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47–74.
12. Панкова С. В. Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Институт алтаистики имени С. С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С. 52–60.
13. Кызласов И. Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 26. С. 103–108.
14. Кызласов И. Л. Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений СССР. М.: Наука, 1990. С. 182–192.
15. Бородавский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2013. 120 с.
16. Панкова С. В. Ошкольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 76–97.
17. Кызласов И. Л. Историко-культурное значение образов таштыкского искусства (на примере графики) // Проблемы изучения наскальных изображений СССР. М.: Наука, 1990. С. 192–197.
18. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
19. Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
20. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

21. Миклашевич Е. А. Лънищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лънищенская. Улазы III. Сосниха. Труды САИПИ. Вып. X. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 28–57.

22. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2005. 140 с.

23. Никаноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Атилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 320 с.

NEW IMAGES OF TASHTYKS ON THE ROCKS OF TEPSEY*

Olga S. Sovetova^{a, @, ID1}; *Olga O. Shishkina*^{a, ID2}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ olgasovetova@yandex.ru

^{ID1} <http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018>

^{ID2} <http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018>

Received 21.11.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: Tashtyk culture, Tepsey archaeological complex, petroglyphs, Minusinsk Basin, costume, reconstruction

Abstract: A lot of new rock art images of Tashtyk epoch have been discovered on the Yenisei recently, engravings being the most informative of them. The paper presents some new materials that may deepen the understanding of the Tashtyk culture. Some of the examples some are unique. The most interesting engravings are the anthropomorphic images of Tashtyk warriors (hunters?) found all over mount Tepsei. The petroglyphs make it possible to reconstruct the appearance of the people who inhabited the Minusinsk basin for they depict headware, hairstyle, and various elements of clothes. The images have direct analogies with the figures of warriors on the wooden plaques discovered in one of the Tashtyk burials on Tepsey, which allowed scientists to identify the ethnicity of some of the depicted characters. The Tepsey pictorial materials, including rock images, add to the understanding of the Tashtyk people's appearance: in those unique images we can clearly see them wearing short trousers as well as some new kinds of headwear, which may be the evidence of the previous Tesin tradition and, probably, the Hunnu influence.

For citation: Sovetova O. S., Shishkina O. O. Novye izobrazheniia tashtyktsev na skalakh Tepseia [New Images of Tashtyks on the Rocks of Tepsey]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 72–78. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-72-78>

References

1. Pankova S. V. Voiny tashtytskikh miniatiur: vozmozhnosti atributsii [Warriors of Tashtyk miniatures: the possibility of attribution]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arheologii. K 70-letiiu D. G. Savinova. Trudy SAIPi. Vyp. VII* [Ancient art in the mirror of archeology. On the 70th anniversary of Savinov D. G. Proc. of the Siberian Association of Primitive Art Researchers. Iss. VII]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 117–141.

2. Savinov D. G. Rannie tiurki na Enisee (arheologicheskii aspekt) [Early Turks on the Yenisey (archaeological aspect)]. *Vremia i kul'tura v arheologo-etnograficheskikh issledovaniiah drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii: Materialy XIV Zapadno-Sibirskoi arheologo-etnograficheskoi konf.* [Time and culture in archaeological and ethnographic research of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction: Proc. XIV West Siberian archaeological and ethnographic conf.]. Tomsk: Agraf-Press, 2008, 185–190.

3. Griaznov M. P. Tashtytskaia kul'tura [Tashtyk Culture]. *Kompleks arheologicheskikh pamiatnikov u gory Tepsei na Enisee* [Complex of archaeological sites by Tepsey mountain on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka, 1979, 89–146.

---

* This work was supported by Government Contract of the Ministry of education and science of the Russian Federation No. 33.2597.2017/PP.

4. Vadetskaia E. B. Antropomorfnoe izobrazhenie na stenke iashhika-grobika (po materialam raskopok tashtykskogo sklepa 2 pod goroi Tepsei) [Antropomorphic image on the wall of the hearse (revealed in the excavations of Tashtyk Crypt 2 below Tepsey Mountain)]. *Piatye istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova*: TD Vseross. nauch. konf. [Fifth historical readings in memory of M. P. Griaznov: Proc. of all-Russia Sci. Conf.], Omsk: OmGU, 2000, 15–17.

5. Pankova S. V. *Tashtytskie gravirovki (siuzhetno-stilisticheskii analiz i istoriko-kul'turnaia interpretatsiia)*. Diss. kand. ist. nauk [Tashtyk engraving (plot-stylistic analysis and historical and cultural interpretation). Cand. Hist. Sci. Diss.], Saint-Petersburg, 2011, 288.

6. Pankova S. V. Izobrazheniia na kurgannykh plitakh u d. Podkamen' na severe Khakasii [Petroglyphs on kurgan flagstones of burial mound Podkamen in northern Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai = Scientific review of Sayan Altay*, no. 1 (2013): 125–159.

7. Teterin Yu. V., Mit'ko O. A., Zhuravleva E. A. Bronzovye miniatiurnye podveski-sosudy Iuzhnoi Sibiri [Bronze tiny suspension brackets-vessels Southern Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Filologiya = Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, no. 7 (2010): 80–94.

8. Sovetova O. S., Abolonkova I. V. Gravirovannye risunki Tepseia [Fine engraved images of Tepsei]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, no. 407 (2016): 128–134.

9. Shishkina O. O. Graphic Materials of Tashtyk Culture in Tepsey Archaeological Complex. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 4 (2015): 670–676.

10. Piatkin B. N., Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Petroglify Oglahy-V [Petroglyphs of Oglahy-V]. *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify* [Ancient art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo: KemGU, 1995, 86–112.

11. Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseiskikh petroglifov (po itogam raboty Petroglificheskogo otriada Iuzhnosibirskoi arheologicheskoi ekspeditsii KemGU) [Chronological and stylistic features of petroglyphs at the middle Yenisei (the results of the work of the Petroglyphic Detachment of the South Siberian Archaeological Expedition of Kemerovo State University)]. *Arkheologiya, etnografiia i muzeinoe delo* [Archeology, Ethnography and Museology]. Kemerovo: KemGU, (1999): 47–74.

12. Pankova S. V. Tashtytskie gravirovki na Tepsee [Tashtyk engravings on Tepsey]. *Arkheologiya i etnografiia Altaia* [Archeology and ethnography of Altai]. Gorno-Altai: Institut altaistiki imeni S. S. Surazakova, Iss. 2 (2004): 52–60.

13. Kyzlasov I. L. Tashtytskie risunki na vershine gory Tepsei [Tashtyk images at the top of Tepsey mountain]. *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri. K 80-letiiu A. I. Martynova* [Archeology of Southern Siberia. To A. I. Martynov's 80th anniversary]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Iss. 26 (2012): 103–108.

14. Kyzlasov I. L. Tashtytskie rytsari [Tashtyk knights]. *Problemy izucheniia naskal'nykh izobrazhenii SSSR* [Problems in the Study of rock art of the USSR]. Moscow: Nauka, 1990, 182–192.

15. Borodovskii A. P., Larichev V. E. *Iusskii klad (katalog kolleksii)* [The Iussk treasure (collection catalogue)]. Novosibirsk: IAiE SO RAN, 2013, 120.

16. Pankova S. V. Oshkol'skaia pisanitsa v Khakasii [Oshkolskaya pisanitsa in Khakassia]. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii. Trudy SAIPI. Vyp. IX* [Iconographic and technological traditions in the art of North and Central Asia. Occasional Publications of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Iss. IX]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, 76–97.

17. Kyzlasov L. R. Istoriko-kul'turnoe znachenie obrazov tashtykskogo iskusstva (na primere grafiki) [The historical and cultural significance of the images of Tashtyk art (the case of graphics)]. *Problemy izucheniia naskal'nykh izobrazhenii SSSR* [Problems in the Study of rock art of the USSR]. Moscow: Nauka, 1990, 192–197.

18. Vadetskaia E. B. *Tashtytskaia epokha v istorii Iuzhnoi Sibiri* [Tashtyk epoch in the history of Southern Siberia]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 440.

19. Polos'mak N. V. *Vsadniki Ukoka* [Horsemen of the Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001, 336.

20. Rudenko S. I. Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany [Culture of the Huns and the Noinulinsky Mounds]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962, 206.

21. Miklashevich E. A. L'nischenskaia pisanitsa [L'nischenskaya pisanitsa]. *Pamiatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoii kotloviny: Georgievskaya. L'nishchenskaia. Ulazy III. Sosnikha. Trudy SAIPI. Vyp. X* [The monuments of Rock Art of Minusinsk basin: Georgiyevskaya, L'nischenskaya, Ulazy III, Sosniha. Occasional Publications of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Iss. X]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, 28–56.

22. Sovetova O. S. *Petroglify tagarskoi epokhi na Enisee (siuzhety i obrazy)* [Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei (plots and manners)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2005, 140.

23. Nikanorov V. P., Khudiakov Iu. S. «Svistiashchie strely» Maodunia i «Marsov mech» Attily. *Voennoe delo aziatskikh khunnu i evropeiskikh gunnov* ["Whistling arrows" of Maodun and "Marsov sword" of Attila. The military work of the Asian Hun and European Huns]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004, 320.